

Алексей Янкин

СВОБОДА

не

ВОЛЯ

*часть 2:
Медвежий праздник*

Алексей Янкин

**Свобода не воля. Часть
2. Медвежий праздник**

«Издательские решения»

2015

Янкин А. Е.

Свобода не воля. Часть 2. Медвежий праздник / А. Е. Янкин —
«Издательские решения», 2015

Для кого-то тайга — страшное, неизведанное, полное смертельных опасностей место. А для кого-то это родной дом, более гостеприимный и справедливый, чем суетливый и бестолковый город. Могут ли сойтись и ужиться вместе эти два мира?

Содержание

Глава 1	6
041	6
042	9
Глава 2	10
043	12
044	14
045	16
Глава 3	17
046	17
047	19
048	20
049	21
050	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Свобода не воля

часть 2: Медвежий праздник

Алексей Янкин

*Лучше впасть в нищету, голодать или красть
Чем в число блюдолизов презренных попасть.
Лучше кости глотать, чем прельститься сладостями,
За столом имеющих власть.*

Омар Хайям

*Я был в Мексике, взбирался на пирамиды
Безупречные геометрические громады
рассыпаны там и сям на Тегуантепекском перешейке.
Хочется верить, что их воздвигли космические пришельцы,
ибо обычно такие вещи делаются рабами.*

И. Бродский

© Алексей Янкин, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Глава 1

041

На берегу реки стоит худошавая совершенно седая женщина. Заплетенные в две длинных косицы волосы ниспадают по обе стороны головы на грудь. Она, выпрямившись, смотрит из-под руки на подходящих путников. Наконец, очевидно узнав одного из них, радостно вскрикивает и идет торопливо навстречу. Несмотря на то, что голова её пепельного цвета, женщина еще сравнительно молода. Очевидно непростая жизнь отложила на её облик свой отпечаток. Несколько болезненная худоба и грустные темные глаза говорят о пережитых страданиях. Но блеск раскосых глаз все же выдает не угасший интерес к жизни.

– Это Аина-Ойе, старшая в стойбище, Сокум по ихнему. – шепчет Никита своей спутнице и так же ускоряет шаг навстречу женщине, радостно возвышая голос, – Здравствуй, здравствуй тётушка Аина!

– Накта-Юм! Давно, давно не видала тебя! Смотри, экой ты стал! Совсем, совсем охотник, – в свою очередь говорит женщина с едва уловимым акцентом, цокая языком и покачивая головой, – Таль-таль-таль.

В это время подходят еще две женщины, значительно моложе. Аина представляет их:

– Это Тата и Сойтыны. Ты их помнишь верно. В детстве не раз играли вместе, – смеется она, видя смущение соплеменниц. Те, хихикая, робко жмут протянутую молодым человеком руку.

– А это Маргарита, – указывает на своих спутников Никита, – И её брат Михаил.

– Мита и Микуль? Пока ты, Микуль, больше на медвежонка похож, чем на Михаила. – женщина говорит настолько просто, что мальчик даже не нашел нужным обидеться.

Все три женщины с интересом рассматривают спутников Никиты, при этом, как они не пытаются скрыть, особое их удивление вызывает огненный цвет волос пришедшей девушки. Лохматый ластится у их ног, с радостным поскуливанием бросаясь то к одной, то к другой. Похоже он помнит их.

– Мы проделали долгий путь и хотели просить у вас гостеприимства, – продолжил меж тем Никита.

– Ай-я. О чем говоришь? Ты у нас совсем как дома. Ладно, ладно. Потом расскажешь. А пока пошли в деревню. Вот-то обрадуются люди. Ведь недавно совсем тебя вспоминали. Как отец?

– У него все нормально. Правда я видел его последний раз в конце весны, но тогда был жив здоров. Тоже интересовался, буду ли этим летом у вас.

Так, весело болтая, подошли к двум здоровенным корзинам, наполовину загруженным свежеспойманной рыбой. Одну за ручки ухватили Тата и Сойтыны и, весело переговариваясь на своем языке, бросая лукавые взгляды на молодого человека и несколько настороженные на его спутницу, быстро пошли вперед. Вторую вызвались нести Никита и Маргарита. Аина несколько поотстала, сворачивая сеть. Мальчик, почувствовавший сразу к женщине расположение, остался помочь ей.

– Почему мы Мита и Микуль, я поняла. Очевидно это Маргарита и Михаил по местному. А что такое Нактаюм? Никита?

– Не Нактаюм. – поправил охотник, – А Накта. Юм. Накта отдельно, Юм отдельно. Это означает Никита Младший. А младший, потому что они моего отца так же звали, Нактой. Теперь он у них Накта-Ум, тобишь Старший Никита.

– Так ты Никита Никитович? – догадалась девушка.

– Нет. Я Никита Антонович.

– Не поняла?

– Ну, моего отца Антоном зовут. А они когда то звали его Никитой. Что тут непонятного?

– А-а, – протянула девушка с усмешкой, – Ну разумеется. Так-то оно конечно понятней стало.

– Да не важно это. – отмахнулся Никита.

Разговор их меж тем прервался сам собой, как только миновав опушкой перепутанную ветвями ивовую рощицу они оказались ввиду небольшого посёлочка. Туземная деревушка состояла едва из пяти-шести бревенчатых избышек, нескольких лабазов на длинных тонких ногах и пары расположенных несколько поодаль чумов. На высоком берегу все той же реки обсыхали перевернутые вверх днищем две лодки – обласа. Здесь же, на воткнутых в песок палках растянута с той же целью сеть.

Еще издали их увидели занятые до того каждый своим делом люди. Они дружно повставали, всматриваясь в приближавшихся. Едва Никиту узнали, раздались приветственные голоса и к ним стали подходить мужчины и женщины, здороваться с молодым охотником, хлопая его по плечам, отпуская шутки по поводу его внешности, подтрунивая над отросшей на щеках изрядной щетиной (которая у самих отсутствовала напрочь), одновременно вполне доброжелательно поглядывая и на его спутников. Никита отшучивался, уделяя понемногу внимания то одному, то другому, называя их по именам, что, очевидно, льстило каждому из поименованных. Замечал перемены, произошедшие с хозяевами. Он не был здесь уже два года. Подоспевшая Аина присоединилась ко всеобщей веселой суматохе. Михаил растерянно топтался позади. Женщина, опомнившись, вытащила его вперед и представила соплеменникам. Наконец все угомонились и разошлись, продолжая заниматься прерванными делами. Аина подвела гостей к одной из избышек, сообщив, что они могут остановиться отдохнуть здесь.

Сложив в доме на указанные лавки свои пожитки, гости разместились у тлеющего во дворе костерка. Вскоре им подали то, что осталось от недавней всеобщей утренней трапезы: хлеб, вареную рыбу на большом блюде и загустевшую до состояния крутого киселя холодную уху в больших кружках. Гости не привередничали, ели с большим аппетитом. Аина сидела рядышком, покуривая маленькую трубочку и смотрела на молодого человека материнским взглядом, изредка задавая вопросы о его близких и отвечая на его вопросы.

За прошедшие с нашего первого знакомства с Аиной-Ойе годы в жизни туземцев произошло слишком много перемен. В большей степени тяжких. Умерла прежняя «Сокум» (то есть мать рода), старая Олон-Хэ. Умерло и еще несколько стариков. Теперь главой рода считалась Аина. Лет пятнадцать назад Аина вышла замуж за одного из мужчин стойбища, Вашку, бывшего закадычного друга главного смутьяна поселка – Унтары. Так как Унтары тоже претендовал на руку красавицы-внучки Олон-Хэ, друзья ни на шутку перессорились. Дело дошло до драки, чуть не до смертоубийства и Сокум Олон-Хэ вынуждена была вмешаться, велев девушке наконец выбрать кого то одного из претендентов. Аина-Ойе отдала предпочтение Вашке.

Он оказался вполне хорошим и добрым мужем, очень любил жену. Делал вид, что не замечает, как она изредка тоскует по чужеземцу Накте. Да и что ревновать к тому, от которого осталось лишь воспоминание. Вскоре у них родился сын, названный бабушкой Уруктаем. Может имя не дало мальчику удачи в жизни, едва ему исполнилось восемь лет, как он утонул, играя с друзьями в реке. Смерть сына сильно подкосила мать. Аина в несколько месяцев состарилась и поседела. Но больше детей им с Вашкой духи не дали. Тем не менее они жили дружно, ни в чем не упрекая друг друга.

Вскоре после конфликта с Вашкой из-за Аины, окончательно рассорившись с бывшим другом и обидевшись на всех соплеменников, Унтары исчез из стойбища и несколько лет его не было. Гадали, не задрал ли уж его медведь? Затем он вернулся. Все сразу заметили произошедшие в нем перемены. Это был другой человек, много повидавший, много испытавший,

много познавший нового. Унтары работал у «ручу» на газовом промысле (соплеменники так и не смогли понять, что такое, этот таинственный «газ»). Был проводником у геологов. Даже какое-то время жил в большом городе где-то далеко на юге. Он рассказывал такие удивительные вещи, о которых никто и слыхом не слыхивал. Именно Унтары привез в подарок первый транзисторный радиоприемник с «солнечными» аккумуляторами, из которого туземцы узнали – насколько обширен и многообразен мир вне их селения. И если старшие, кто еще успел побывать в интернатах, что-то знали, то для молодежи это было открытием. Благодаря появившимся транзисторам быстро восстановилось знание языка ручу. Двое молодых парней даже ушли на заработки, несмотря на то, что сам Унтары их от этого отговаривал.

Унтары после возвращения так и не женился. Сладил себе отдельно избушку в паре сотнях шагов от поселка, куда переселился со своей престарелой матерью, о которой очень трогательно заботился. Его хмурое лицо всегда освещала улыбка радости, когда он глядел на неё. Это был единственный близкий ему человек. Унтары занялся лечением и понемногу шаманил, говорил с духами, в чем проявил большой талант, заняв место ушедшего уже из этого мира Ёлтаги. Это признали не только жители поселка, но и обитатели самых отделенных деревень туземцев, откуда приходили гонцы звать Унтары для проведения различных обрядов.

Как не удивительно, но Унтары встретил пришедшего как-то навестить старых знакомых Антона-Накту весьма доброжелательно. Они даже подружились и стали испытывать симпатию друг к другу. Унтары искренне сожалел о погибшем от его руки Силантии, особенно когда его друг рассказал о нем побольше. Маленького сына Накты-старшего, Накту-младшего, туземцы полюбили и с тех пор почти каждое лето он проводил один – два месяца в гостях у них, обучаясь всем премудростям таежного быта. А Унтары настолько благоволил к нему, словно это его родной сын. Когда Накта-Юм подрос, то стал и сам захаживать к ним. Правда реже, чем хотелось бы. Не каждый год.

Как-то, лет пять назад, выдалась невероятно снежная зима, сменившаяся аномальной оттепелью. Снег подтаял, а затем ударили сильные морозы, сковавшие все вокруг толстой коркой льда. В тайгу пришел большой голод. Вымерло множество животных. Медведи разорили продуктовые лабазы лесовиков, остатки из которых моментально растащили песцы. Охотники возвращались из тайги с грустными лицами. Ловушки оставались пустыми. Не было видно даже свежих следов на снегу. Умерло несколько человек, в том числе и муж Аины – Вашка. «Хороший был человек, добрый» – вздрагивала Аина плечами, вспоминая, бывало мужа.

Умерло бы больше, но на голодающее стойбище случайно наткнулись охотники-староверы. Они так же безуспешно искали добычи в тайге, потому зашли в этот раз непривычно далеко. Но для староверов таежная добыча не являлась основным источником пропитания, а лишь разнообразила их стол, потому недостатка в припасах они не испытывали. Забыв о давней вражде, староверы привезли на санях несколько мешков продуктов, а затем, за зиму, еще дважды подвозили продовольствие. Не сразу, но туземцы и староверы примирились друг с другом. И хотя холодок отчуждения оставался – слишком много пролитой крови разделяло их, все же теперь они могли общаться между собой в надежде, что молодежь не повторит ошибок старших поколений. Ни те, ни другие теперь не боялись случайной встречи на таёжной тропе.

042

Когда гости закончили трапезу, Аина сообщила им, что они пришли в хорошее время для стойбища.

– Завтра будем править Иэно-Кике – Медвежий Праздник. Сегодня с утра мальчишка прибежал, сообщил, что охотники в лесу, когда проверяли ловушки, наткнулись на медведя. Он хотел добычу красть из гимги. Не захотел уходить. Пришлось убить. Сегодня к вечеру приплывут на обласах.

– А что это за Медвежий Праздник? – глаза Миши загорелись.

– Увидишь, увидишь, – сказала женщина, поднимаясь, – А пока отдыхайте. Долгий путь делали.

– Что за праздник? – пристал мальчишка к Никите, когда туземка отошла в сторону.

– Ну это древний праздник таёжного народа. Они справляют его раз в семь лет. Как раз семь лет назад я, когда был еще в том возрасте, что ты сейчас, присутствовал на нем. Делают вид, что случайно медведя убили, вроде как сам виноват, а они этого и не хотели вовсе. Если медведь-самец, то целых пять дней будут плясать. «Иэно-Кике» и обозначает – большие пляски. А если медведица, то поменьше – четыре. Будет подросток, пестун, то всего три, а как медвежонок скажется, то и вовсе двумя днями обернутся. Вернее сказать не дни, а ночи. Ночь напролет гулямя гуляют, а днями отсыпаются.

– Почему же он медвежий? – присоединилась к расспросам Маргарита, – Они что, себя медведями считают. Или потомками медведей.

– Нет. Дух покровитель их рода – Заяц с Белым Пятном.

– Именно с белым? – рассмеялся мальчик.

– С белым, с белым. Но смешного, поверь, здесь ничего нет. Заяц, вполне почтенное для них животное. Считается, что он отличается умом, хитростью, упорством и осторожностью.

– Ну а медведь?

– А медведь считается не предком, а братом. Они, кстати, вслед за русскими медведя Мишей кличут. – подмигнул молодой человек мальчику, продолжив, – Некогда Верховный Дух, Нома Тарым, создал двух братьев, человека и медведя. Семь лет жили братья душа в душу, да заскучали, стали просить Тарыма создать для них друга. Долго не хотел Верховный Дух ничего делать, но поддался на уговоры и создал девушку. Оба брата влюбились в нее. Девушка же больше благоволила медведю. Он и сильнее, и красивее, и удачливее в охоте. Тогда человек, подкараулив на тропе, убил своего брата. Нома Тарым очень сильно осерчал, он ведь обоих своих детей любил, и оживил убитого. Но только с тех пор медведь, обросший густым мехом, живет один в тайге и при удобном случае мстит человеку: то ловушки его или лабазы разорит, то женщину или ребенка в урман утащит, а то и на охотника бросится. Раз в семь лет лесовики, добыв медведя, справляют праздник, в ходе которого разыгрывается, как в театре, история с убийством брата-медведя братом-человеком и обряд испрашивания прощения у медведя за преступления своего первого предка перед его первым предком.

Маргарите что-то показалось странным в словах Никиты. Вдруг до нее дошло:

– Театр? Ты что, был в театре?

– Доводилось. – покраснел Никита, – Даже в тайге мы знаем о том, что существует театр.

Разговор прервался поднявшейся суматохой. Никита привстал. Взгляды всех направлены в одну сторону, на реку. Посмотрев в том направлении, гости заметили, как из-за излучины показались три обласа, в каждом из которых по человеку. Одна лодка, и без того низкая, сидела в воде почти по самые края. Удивительно, как правивший ею человек умудрялся не перевернуть её или не начерпать внутрь воды. Перед гребцом – словно большая куча темного тряпья. Никита, Маргарита и Миша, не утерпев, бросились вслед за туземцами к берегу.

Глава 2

Радостные крики встречавших отозвались сдержанными откликами гребцов. Почти одновременно все три лодки уткнулись острыми носами в прибрежный песок. Крики разом смолкли. В полной тишине охотники вышли из лодок и стали ходить по берегу, словно что-то выискивая. У одного в руках ружье. Они бросали взгляды по сторонам. Подталкивали друг – друга. Жестами призывали сами себя к тишине и вслушивались в какие-то неведомые звуки. Зрители, замерев, со вниманием следили за каждым их движением. Наконец один из охотников, словно только увидел лежащую в лодке большую бурую грудку, указал на неё товарищам. Они стали подкрадываться к лодке. Тот, что был с ружьем, что-то закричал вопросительно.

– Спрашивает, что медведь тут делает. – полушепотом пояснил Никита своим спутникам. – Это обряд Пус-Ойвы, выслеживания зверя.

Охотник трижды вопрошал медведя. Наконец все трое наперебой принялись просить о чем-то, по-прежнему обращаясь к лодке с лежащей в ней тушей.

– Упрашивают уйти обратно в тайгу. Говорят, что не хотят ему делать худого. – еле слышно переводил молодой человек.

Не дождавшись ответа, охотники, словно нехотя, через силу, вынужденно, подошли ближе. Держащий ружье, вытянул его в сторону медведя, потом все трое отвернулись, а первый нажал на курок. Сухо прозвучал щелчок.

– Сом-Патт, добывание медведя. – шепот Никиты едва различим.

Охотники вполголоса что-то повторяли, всё убыстряя темп, пока Маргарита не разобрала слов: «утта-ы-эх, утта-ы-эх, утта-ы-эх...». Повторив этот возглас пять раз, охотники замолкали, а затем вновь произносили нараспев те же слова. Остальные жители стойбища по-прежнему хранили гробовое молчание. Наконец охотники ухватили труп за лапы, им в помощь тотчас бросились еще пять-шесть мужчин. Они скопом вытащили медведя и на весу потащили его к деревне. Женщины тихо, со слезой, затянули песню. Одновременно они, из неизвестно откуда взявшихся берестяных тесков, стали ладонями разбрызгивать воду, стараясь попасть разом и на мертвого медведя, и на несущих его охотников.

– Просят у него прощения. Говорят, что не хотели в него стрелять. Что сам он де виноват в своей смерти. Говорят, что и ружье то не их, и патрон то не их, и убившая его пуля, посему, тоже получается что не их. А они помнят, что он их брат. Просят, чтобы вода забрала все плохие помыслы их брата.

Дотащив труп животного до центральной площадки между избами, его усадили, прислонив спиной к большой колоде, и стали наряжать. Кто-то натянул на морду медведя маску из бересты с прорезанными глазами-щелками. В эти щели вставили по большой монете, чтобы медведь не запомнил никого из присутствующих, а видел только их щедрость. На передние и задние лапы повязали по четыре разноцветные ленты. На спину накинули цветастый халат.

Откуда ни возьмись, появился Унтары и стал окуривать труп дымящейся гнилушкой. На мгновения они встретились взглядами с Никитой и последнему показалось, что Унтары едва заметно кивнул ему. Впрочем тот же час он отвел взгляд и продолжил, ворча какие то рифмованные слова, окуривать сидящую мешком тушу. Сколько это длилось, ни Маргарита, ни её брат определить не могли, так как время, под монотонные песнопения, вытягивалось мягкой резиной.

Меж тем несколько охотников, притопывая о землю и что-то бормоча, подошли к медведю и опрокинули его на спину. В руках Унтары тускло блеснул длинный нож. Решительным движением он надрезал шкуру медведя на животе, не протыкая однако его плоть. Отошел. Вернулся и сделал надрезы вокруг передних и задних лап, непосредственно перед кистями и

ступнями. Теперь пели одни мужчины. Женщины, опустившись на колени, благоговейно молчали.

Продолжая свою, внушавшую девушке ужас, работу, Унтары соединил между собой все надрезы, просовывая конец ножа под кожу и держа его острием вверх, после чего, с помощью двух молодых мужчин, стал стягивать кожу с туши, словно снимая с неё шубу. Маргарита не в силах оторвать взгляда от отвратительного, но завораживающего зрелища. К её удивлению крови почти не было. Обнаженные темно-красные мышцы с полосками сухожилий и слоем желтого жирка делали фигуру очень похожей на человеческую. К горлу подступала тошнота. Невольно приподняв взгляд, девушка лишь теперь заметила, что привезшие убитого медведя три охотника сидят рядом за его головой. Лица их скрыты раскрашенными темными узорами масками. Они неподвижны, словно три статуи, грубо вырубленные рукой неловкого скульптора.

Вперед вышла Аина и громко торжественно что-то заговорила нараспев. «Сообщает, что сейчас придет дух-предок рода, дух Зайца с Белым Пятном, который заступится перед Номом Тарымом за них» – переводил Никита. Тут же из-за плотного круга в центр вскочил человек, одетый в заячьи меха. На макушке два уха из туго обмотанных пучков сена. Его лицо так же скрывает маска. Он начал совершать пляску вокруг туши, хрипло втолковывая что-то ей. «Говорит, что не охотники рода убили его. Охотников не было там, где произошло убийство. Их и сейчас нет здесь. Пусть посмотрит на лица – не увидит их...» бубнил вслед за оратором молодой охотник. Завороженные девушка с братом внимали каждому его слову. «Говорит, что это вороны виноваты, – продолжал переводить Никита. – Это они едят медвежье мясо. Люди рода не едят медвежатины».

Танцоры в разных костюмах сменяли друг друга и все нараспев выкрикивали слова, смысл которых сводился к тому, что в убийстве медведя виноваты другие: вороны, ружье, те, кто продал им ружье, те, кто продал им патроны к ружью, но никак не кто-то из тех людей, что находятся сейчас здесь. И сами туземцы так же возмущены произошедшим, как и погибший.

Танцы завершились поздно вечером. Женщины к тому времени сварили уху и участники, между делом, по мере необходимости подкрепляли свои силы. Аина, понимая, что гости устали, подойдя к ним, предложила идти спать, сообщив, что праздник будет длиться еще четыре дня, точнее следующие четыре ночи.

043

Весь следующий день жители стойбища занимались своими текущими делами. Ни освеженной туши медведя, ни его шкуры нигде видно не было. Лишь к вечеру, когда солнце коснулось деревьев далеко за рекой, появились признаки подготовки к ночному гулянию. Кто-то развел по центру площадки между избушками огромный костер, кто-то суетливо бегал из дома в дом, что-то куда-то и откуда-то перетаскивая. Женщины вновь наварили несколько больших котлов ухи. Общего пиршества не предусматривалось. Каждый по-прежнему, по мере того, как чувствовал голод, мог подходить и утолять его, зачерпывая стоящими тут же кружками жирный навар и выхватывая из высящейся на здоровенном блюде горки кусок вареной щучины. Считалось, что необходимо соблюдать пост, сочувствуя горю медведя. А еда не совместная, вроде как и не еда вовсе. Так, баловство.

Наконец, когда окончательно стемнело, чередой обрядов возобновилась. На этот раз в круг, появившись из ближайших зарослей, быстрым шагом вошел охотник, одетый в рыжие шкуры. Маска на лице удачно имитировала лисью морду. На поясе и руках болтались на длинных тесемках самые разнообразные мелкие предметы: и монетки, и какие-то литые из металла фигурки, и какие-то иссохшие кусочки плоти, в которых любопытный Михаил узнал когтистые птичьи лапки и их же головки. Маргарита, когда брат указал на них, лишь брезгливо сморщила нос, тут же опомнившись и осторожно оглядевшись, не заметил ли кто её пренебрежения.

В тоже почти самое время с противоположной стороны двое мужчин, одетых воронами, внесли в круг шкуру медведя вместе с головой, натянутую на плетенный из лозы каркас. Получилось весьма похоже. Медведь, вернее его оболочка, был посажен на прежнее место. На плечи ему опять накинули цветастый халат. Морда по-прежнему прикрыта маской со вставленными в глазницы большими монетами.

Одетый лисой туземец ходил по кругу и что-то требовал от стоявших вокруг людей, тыкая время от времени пальцем в сторону медведя. «Это Аксарр, Лис, потомок того Лиса, который был младшим братом созданных Номом Тарымом первых человека и медведя. Его Тарым прислал искать пропавшего медведя и найти его. Либо доставить к нему душу погибшего медведя. А заодно и выяснить обстоятельства его гибели. Не виноваты ли в его смерти жители стойбища. Эта лисья пляска называется «Яки-Ваки». Он выпрашивает у всех, не видел ли кто медведя.

Вдруг Лис буквально наткнулся на натянутую на каркас шкуру. Радостно подскочил к ней. Тут же всплеснул руками, догадавшись, что медведь мертв и принялся что-то выпрашивать у нее. Вся его фигура выражала крайнюю степень горя. Спрятавшийся за медведем Унтары в маске говорил от его имени, что он не знает, кто его убил, но никого из своих убийц он здесь не видит. Очевидно они не из этого стойбища. Лис в сомнении качал головой, вновь и вновь задавая вопросы медведю. Унтары, рыча, с жаром опровергал приводимые доводы.

Затем Лис подступился к сидящим по-прежнему в сторонке трем охотникам в масках. Внимательнейшим образом оглядел их, даже обнюхал. Они стали убеждать его, что кто убил медведя, не знают, а мясо его съели «кэлахр», вороны. Они были вчера здесь, но съели все мясо медведя и улетели.

- Где кости? Где кости? – бесновался Лис.
- Найдём! Найдём! Принесём кости! – кричали в ответ подозреваемые.
- Когда? Когда?
- Скоро! Скоро! Мы найдем, где вороны оставили их и принесем!

Постепенно в пляску втянулись и все прочие мужчины и женщины рода. Они вошли в некий транс. Каждый крутился, приплясывал, приседал, подпрыгивал. Глаза у всех стали дикими, голоса хриплыми. «Это медвежья пляска. Люди пытаются запутать Аксарра, послан-

ника Тарыма, и душу медведя» – пояснял своим друзьям Никита. Пляска перешла далеко за полночь и гости опять, не дождавшись её окончания, удалились спать. Брат с сестрой были не на шутку напуганы поведением хозяев.

044

Практически по тому же самому сценарию прошли две следующие ночи. Единственно, что на этот раз перед шкурой медведя, когда её вынесли, сразу поставили миски с угощением и кружку, в которую постоянно что-то подливали. По резкому запаху зрители могли понять, что это обыкновенная водка (несколько бутылок её успели за два предыдущих дня принести гонцы, отправленные за ней в ближайшую деревушку ручу). Похоже этим же напитком успели угоститься и некоторые из танцоров, что строго возбранялось, судя по тому, как Сокум Аина выбрала их за это.

Кроме того перед медведем расставили вылепленные из высушенного теста фигурки оленей, зайцев, кабанов, рыб. В двух плосках дымилась тлеющая чага. Унтары изредка присыпал её порошком из сушеного мухомора, от чего поднимался удушливый чад, туманящий мозг даже седевшим достаточно далеко от чучела медведя. Считалось, что мухомор, в противоположность водке, дает не опьянение, а помогает установить связь с духами.

В самом начале каждой ночи лис вновь и вновь требовал с трех подозреваемых охотников, единственных, кто в течении всего празднества оставались неподвижными:

– Где обещанные кости? Где?

– Мы уже почти нашли то место! Скоро, скоро принесем кости!

Лис крутился в ярости юлой, рычал, рвал зубами одежду на себе.

– Не могу, не могу вернуться! Нужны кости! Тарыму нужны кости.

– Уходи! Уходи! Мы сами принесем кости! – вторили ему танцоры.

То один, то другой танцор, а танцевали все, за исключением трех охотников, гостей и совсем маленьких детей, бросался к медведю, склонялся над ним или вообще становился на колени, целовал его лапы (женщины при этом предварительно накрывали их своими платками). Просили у него прощения, что не уберегли от ворон. Не сберегли его мяса. А кто его убил, они не знают. Не видали. Нашли его уже мертвым.

Каждый пел свою песню, не особо заботясь о гармонии с прочими певцами. Но все песни, как перевел Никита, были об одном – о том, как хороша жизнь стойбища, как приятно бродить по тайге, плавать по реке. И о том, что никто не помышлял даже всё это время об убийстве потомка брата их далекого предка. И что бы дух медведя, когда предстанет перед Тарымом, так и сказал ему. Не они убили медведя и не надо искать здесь его убийцу.

Временами, насколько поняла Маргарита, участниками разыгрывались какие-то сценки, истории, принимавшиеся всеми очень горячо. Актеры вызывали такой шквал одобрений, какой, пожалуй, не снился ни одному театральному светилу. Здесь были и сцены охоты, рыбалки, и простые бытовые зарисовки. Какие-то споры между мужчинами и женщинами, носившими характер анекдотов, сопровождавшиеся взрывами гомерического хохота. При этом, похоже, частенько в изображаемых узнавали конкретных лиц, в сторону которых тут же принимались тыкать пальцами и хохотать. Но никаких обид или неудовольствий никто не выказывал, ни те, над кем смеялись, ни те, кто смеялся. Похоже, что за эти несколько ночей каждый успел получить свою порцию славы и подтруниваний.

Четвертая ночь закончилась громким заявлением Унтары о том, что дух медведя, не найдя здесь своего убийцы, удалился вслед за Лисом, который, кстати, действительно к этому моменту исчез. Исчез как-то тихо и незаметно, словно устыдившись. Довольные охотники, которые все четыре ночи ни к чему не притрагивались, снимали маски и соплеменники стали их горячо обнимать и целовать, пересказывая, что тут происходило, как вернувшимся после долгого отсутствия. Никита отметил, что ни Унтары, ни кто-либо другой, все это время не использовали ни бубнов, ни иных музыкальных инструментов. Как пояснила Аина, для того,

чтобы душе медведя не понравилось здесь, и она не решил поселиться на стойбище. Тогда она дознается рано или поздно до правды и изведет весь род.

Последняя, пятая ночь началась с обряда провода медведя. Его шкуру торжественно сняли с каркаса и свернули, вслед за чем унесли в одну из изб. Потом вынесли четыре больших чугунных котла, разместив каждый над своим костром. Принесли хранившееся все это время где-то медвежье мясо. Мужчины стали его резать ножами по суставам, стараясь не поломать ни одной косточки. Все мясо сложили в котлы и залили водой.

Пока мясо доходило, устроили спортивные соревнования. Метали в растянутые в полутора десятках шагов олени шкуры копыя. Трое-четверо стреляли из луков. Один молодой охотник все порывался пальнуть из ружья, пока Аина не отчитала его, заявив, что патронов и так мало. Когда медвежье мясо сварилось, Аина собственноручно вытаскивала куски из котлов, срезала с них дочиста мясо и раздавала по старшинству всем присутствующим. Гостям досталось одним из первых, сразу вслед за несколькими старейшинами, Унтары и охотниками, убившими медведя. Обнаженные кости старейшина бережно укладывала в принесенную вновь шкуру (но уже без головы). Затем кости завернули в шкуру и этот мохнатый тюк торжественная процессия, состоявшая из одних мужчин, унесла прочь. Даже Аине не позволили сопровождать траурную процессию, в которой из покоя веков принимали участие лишь взрослые мужчины. Женский глаз не должен видеть, где будет могила погибшего медведя, иначе дух его вернется в одну из ночей и утащит вслед за собой ослушницу. Женщины терпеливо караулили остывающее мясо.

Когда мужчины спустя полчаса вернулись, все наконец приступили к ритуалу поедания медвежьей плоти. Мясо, неожиданно для Маргариты и Миши, оказалось вполне вкусным. Ели его только руками. Использовать ножи или другие приборы настрого запрещалось, о чем напомнил Унтары. Мужчинам досталось мясо исключительно от передней части туши, а женщинам и малым детям, от задней, в том числе потроха. Эти части даже варились в различных котлах. В женские котлы при варке добавили какие-то корешки, в мужское же мясо не добавлялось ничего, даже соли. Голова, сердце и лапы будут сварены позже, особо, ближе к утру, когда за костром останутся одни мужчины. Лишь Сакум Аина, как глава рода, допускалась к причащению медвежьей головой, что должно дать ей мудрости и долголетия. Лапы достанутся молодым охотникам, что бы оставались неутомимы в промысле. Но уже не женщина, а Унтары будет срезать и делить мясо. Череп станет храниться в избе охотника, убившего медведя и ему будут приносить подношения. В случае какого либо бедствия состоится церемония принесения в жертву черепа медведя. Это наиболее верное средство справиться с любой напастью.

Завершилась вся церемония тем, что Аина возвестила:

– Теперь наш брат, медведь, может возродиться. Дух его предстанет пред Номом Тарымом и тот оживит его. Медведь станет бродить, как и прежде, по тайге и не будет помнить, кто же убил его в прошлой жизни.

045

На этом праздник не закончился. Еще пять дней длился траур по медведю. В это время никто почти не работал, исполняли лишь текущие обязанности по стойбищу. С утра совершили обряд «пори», принесли в жертву пятнистого оленя, мясом которого и питались, исполняя тихие заунывные песни, призванные облегчить душе медведя путь к Торьму и выразить последнему свое почтение. Временами принимались насмехаться над обманутым лисом, которого здесь не особо то и почитали. Считали продажной душонкой и мелкой, никчемной личностью.

Глава 3

046

Пришел конец и этому, казавшемуся гостям бесконечным, медвежьему празднику. Впрочем они не особо и роптали на потерю времени. Все трое, даже проводник, крайне устали и нуждались в отдыхе. Они живут в селении туземцев уже почти две недели. За это время Никита несколько раз побывал с рыбаками на промысле. Маргарита перезнакомилась со всем женским населением и даже научилась у них кое чему. Миша-Микуль не только сдружился с местными ребятами, но и успел с одним даже подраться, чем обе стороны остались весьма довольны, так как ни одна из них при этом не ударила лицом в грязь. Мальчишеская дружба, скрепленная тумаклами и синяками – самая крепкая дружба, так как проверенна делом.

Наконец Аина, зная уже достаточно от Никиты и самой девушки, собрала в своей избе, где кроме нее жили еще две бездетные вдовы, небольшой совет. На собрании кроме Сокум Аины-Ойе были приглашены несколько стариков и старух, трое мужчин – наиболее авторитетных рыболовов и охотников рода, а так же Унтары, игравший роль советника главы рода по внешним связям. Женщина, с согласия Маргариты, пересказала присутствующим их с братом историю и заверила, что род поможет гостям безопасно попасть домой. А так как их дом находится очень, очень далеко, то попасть туда они могут только самолетом. Таким образом, завершила Аина, надо проводить гостей до ближайшего большого поселка ручу, где садятся самые большие их самолеты. Все согласно закивали – помочь гостю священный долг. Только Унтары выразил несогласие с этим планом.

– Почему? – несколько раздраженно спросила Сокум. Никита отметил, что между ними до сих пор сохраняется некоторая отстраненность. – Неужели друзья нашего друга... – она указала на Никиту, – Не достойны нашей помощи?

– Нет. Они достойны. – ответил равнодушно Унтары, вытащив трубочку из угла рта, – Достойны нашей помощи. Но только такой помощи, которая действительно станет для них помощью, а не только польстит нам. Мол, посмотрите, какие мы. Вывели из тайги. А как там дальше... нам уже все равно.

– Поясни? – нервно сказала женщина. Никита так же удивленно смотрел на Унтары. Он никак не ожидал, что тот станет противиться оказанию туземцами им помощи.

– Я долго жил в городе. – охотник затаился, выпустил густую струю дыма и со вниманием наблюдал, как она медленно тает, расплываясь по избе. Все терпеливо ждали. Несмотря на всё раздражение, которое иной раз вызывал излишний снобизм этого бродяги, все знали, что говорит он всегда по делу. – Я жил в городе. Насмотрелся на обычаи ручу. Красногловая Мита сказала, что её отец невероятно богат. Если те, что охотятся на них, забрались в самую тайгу, то они станут искать её не только здесь, но и там, куда она может выйти. А так же там, откуда она могла бы уехать к себе домой. Ты, Сокум, сама сказала, что наши гости могут попасть домой, только улетев на самолете. Причем не на том, маленьком, что летает иногда над самой нашей деревней, а на большом, что чертит полосы высоко в небе.

– Так, так. Хорошо говорит. – забормотали одни.

– Послушаем, послушаем его. – поддержали другие.

– Понимаем, понимаем. – закивали третьи.

– И эти, что охотятся за Митой и Микулем, так же понимают. Такие большие самолеты садятся только в больших городах. «Аэропорт», так зовут ручу... – Унтары замаялся, не зная как пояснить соплеменникам незнакомое слово, – ...пастьбище этих самолетов. Только там их кормят и только там они могут жить. Их обязательно там будут ждать, как охотник ждет свою

добычу у водополя. И маленькие «аэропорты» для маленьких самолетов и вертолетов так же смотреть будут. Если мы выведем Накту, Миту и Микуля к городу, где находится аэропорт, то сами передадим наших гостей в руки загонщиков. Таково наше гостеприимство?

Все несколько минут молчали, переживая, что действительно чуть сами не отправили тех, кому желали добра, прямо в когти преследователей. Наконец Аина прервала молчание:

– Что ты хочешь сказать, Унтары?

– Надо вести за Нарпу-Нёр. Через перевалы. Там, по ту сторону, есть большой город. Там никто Вогр-Аги, Рыжеволосую, и её «касум», младшего брата, ждать не будет. Откуда им дознаться, что девка в тайге жива осталась, что через Нарпу-Нёр пошла?

– Через перевалы? Ты в своем уме? Что он говорит? – опять раздались возгласы. При этом Маргарите показалось, что в этих голосах сквозят явные ноты отчаяния и страха.

Унтары встал, гневно оглядел соплеменников и прорычал:

– Да! Через Нарпу-Нёр! Сам поведу! Поведу один, коли в стойбище не найдется больше ни одного охотника. Пока хожу, пусть жены сошьют своим мужикам юбки. Приду – посмотрю... Выйдем на третий день, от следующего за этим. – после этих слов Унтары не торопясь выбил о край топящегося чувала трубку, засунул её за пазуху и еще раз, напоследок, окинув презрительным взглядом притихших присутствующих, кивнув Никите, величественно вышел из задымленного помещения.

047

Уже два дня экспедиция, которую возглавлял Унтары, находится в пути. Шли к подножию гряды больших гор, которые назывались Зелеными Горами или Нарпу-Нёр на туземном языке, Таинственный и неизведанный мир. Дети Зайца с Белым Пятном – дети таёжной равнины. Горы пугали их.

– У самой горы у меня «мокол», земляная изба, есть. Там и отдохнем мало-мало. – говорил Унтары уже который раз Никите. А горы, казалось, как были на горизонте, так там и оставались.

Кроме Унтары, Никиты, Маргариты и Михаила в экспедиции приняли участие трое молодых туземцев, не побоявшихся сопровождать гостей стойбища: Шеркаги, Томкага и совсем юный Касэм-Вай. Все помимо ножей вооружены охотничьими ружьями, у каждого за спиной вещмешок с запасом самого необходимого. Как успел пояснить охотник девушке и её брату, их хозяева боялись не возможной погони или трудностей перехода. «Нет. Смелее людей я, пожалуй, не встречал» – убеждал Никита, боясь, что бы они не подумали плохо о его друзьях, – «Но у них есть твердое поверье, что в горах на Западе, там, куда прячется каждый вечер солнце, пристанище злых духов. Там Мир Смерти. Именно там, думают они, живет и Нома Тарым, грозный подземный бог. Он владеет жизнями всех существ и их душами. Он повелевает духами и может наслать всяческие беды. Встреча с ним ничем хорошим окончиться не может. Так они думают» – на всякий случай уточнил он, показывая, что сам он не является сторонником этой теории мироздания. «Но особо они боятся попасть в Страну Неумерших Мертвых».

– Это что-то вроде ваших зомби. – пояснил Никита, выказав знакомство с современным городским киношным фольклором.

– Ух ты! Встретить бы! – восхитился Миша. Маргарита почувствовала, как волосы на голове у нее непроизвольно задвигались. Неприятное ощущение.

048

Еще через два дня экспедиция оказалась у подножия ближайшей громады. Слева, от неё, пояснил Унтары, начинается ущелье, разрезающее седловину между этой и соседней горами, по которому они выйдут в долину по ту сторону хребта. Там придется одолеть перевал через второй хребет. А там еще и еще. Всего предстояло осилить семь хребтов. При этих словах на его соплеменников было жалко смотреть. Для них путешествие в горах равносильно прогулке по загробному миру. Тем ценнее, думала Маргарита, то, насколько охотно эти люди идут с ними, помогают им, двум совершенно чужим для них ручу.

Гора, подпираемая с боков грозными своими соседками, нависала над путниками. Туземцы опасливо вжимали головы в плечи. Привыкшие же к горам неизмеримо большим этих, не имевших даже снеговых шапок, Маргарита и Михаил, смотрели на них скорее с любопытством, нежели с почтением. Вряд ли высота самых больших из них более километра. Но само по себе нагромождение мрачных, густо покрытых лесами, с множеством обрывов и скальных утесов, громадин, впечатляло. В чем-то они производили даже более величественное впечатление, чем заоблачные ярко-белые вершины Альп или Кавказа, где им не раз приходилось бывать. Там был простор, здесь торжественная настораживающая загадочность.

– Эх, сюда бы на лыжах зимой. Смотри, Ритка, склон какой! – указывал пальцем восхищенный мальчик.

– Да! Красиво.

Проводники недоуменно косились на них. И чего эти ручу увидели красивого в таком ужасном, пугающем месте?

К вечеру Унтары нашел сооруженный им некогда, в период бродяжничества, приют, который он и называл «мокол», земляная изба. Она оказалась простой трехстенной полуземлянкой, открытой на пологом склоне небольшого холмика, ближе к его верхушке, выходящая одним своим открытым краем на его южную сторону, с накатом из бревен, прикрытых поверху дёрном. Внутри имелись несколько вырубленных прямо в земле уступов, настав на которые травы и веток путники получили весьма сносные спальные места. Костер развели на образовавшейся при рытье землянки у самого её входа площадке, плотно поросшей травой и имевшей полустертые временем следы давних кострищ. Уже в темноте Унтары пояснил, что сложности будут с преодолением первых четырех хребтов. А остальные они пересекут по ущелью, держась берега пробившей его реки. Дальше по ней же спустятся на плоту. Река, конечно, бурная, но всяк лучше, чем пешком ноги сбивать. Сам то он через эти перевалы не ходил, но путь ему описывал один бывалых охотник ручу.

Постепенно путники, несмотря на тревожные предчувствия, одолевавшие каждого, один за другим засыпают, сморенные усталостью.

049

Утром Унтары поднял всех спозаранку. На улице, перед входом, уже потрескивает костер. В котелке варится уха из изломанной в крошку сушеной рыбы. Рядом на углях попыхивает закопченный то ли медный, то ли латунный, луженый изнутри чайник, ожидающий своей очереди. Вместо давно утерянной крышечки у него выструганный из деревяшки, обгоревший по краям кружок со вставленной сверху проволочкой. Едят прямо из общего котелка, зачерпывая каждый своей ложкой. Затем долго пьют чай. По мере того, как люди отогреваются, настроение улучшается, но, непроизвольно, то один, то другой бросает неприязненный взгляд на межгорье, куда вскоре предстоит идти. Не торопясь каждый принимается за починку своей амуниции и отладку поклажи. Хотя с собой вещей минимум, но работа движется неспешно и занимает больше двух часов. Маргариту это нервирует.

– Почему они так медленно все делают? – раздраженно шепчет она Никите, когда рядом никого не оказывается, – Они что, специально тянут время?

– Нет. – охотник улыбается, – Понимаешь, у этих людей... да не только у них... у всех таежников, но у них особенно, ощущение времени другое. Не как в городе. Для них главное – дело сделать хорошо, основательно, а не сделать его как можно быстрее. А время... так, как они считают, куды торопиться то? Ну приду я куда-то не завтра, а сегодня – и что? Что-либо изменится в моей жизни? Вся дичь разбежится? Деревья засохнут? Речка течь перестанет?

– Но неужели они не хотят побыстрее вернуться домой, к семьям?

Никита, отложив в сторону небольшой вещмешок девушки, который чинил в тот момент, пожал плечами. Обтирая друг о дружку ладони, посмотрел вдаль в задумчивости:

– Может и хотят... Не знаю. Живут то лесовики больше сегодняшним днем, не особо задумываясь над тем, что станут делать завтра, послезавтра. То есть примерно-то знают. Но то станет завтра, а сегодня, так это сегодня. Придёт другой день, придут и другие заботы. Зачем думать о тех трудностях, которых пока мести нет? Сегодняшние бы одолеть. Жизнь в тайге тяжела и задумывать что на далёко бессмысленно. Всё скорее иначе скажется, чем казалось. Мы вот даже не можем знать, где вечером на ночь остановимся. Унтары и тот знает о дороге чуток больше нашего, лишь понаслышке. Но главное, мы не знаем, не можем знать, что встретится нам днём. Хорошо ли идти будем, или упремся в стену каку. Да ты не смотри, что они сдаются такими капушами. Зато люди верные. Настанет пора, проворнее и не сыщешь.

Маргарите осталось только терпеливо ждать. Но о бессмысленной потере, с её точки зрения, столь драгоценного времени, она осталась при своём мнении. Нет, так дела не делаются. Никогда бы её отец не стал тем, кем он стал, если бы не жил наперегонки со временем. Однако ей приходилось смириться и плыть по течению событий. Тем более она понимала – как не сердись на своих друзей, но каждый из них, бросив все свои заботы, не думая о своей безопасности, идёт и решает её и её брата проблему. А ведь они могли просто ткнуть пальцев в сторону и сказать: «туды шагай».

050

Всеми приходит конец. Пришел он и долгим сборам. Двинулись вверх по течению пробегавшей у подножия их холма небольшой, но весьма бурной речушки. Вскоре клокотание воды переросло в рёв и путники уже не слышали друг друга. Приходилось либо кричать, либо обмениваться жестами. Впереди, выбирая тропу, шел Унтары. За ним держались обстоятельный Шеркаги и, не смотря ни на что, веселый Томкага, следом Михаил, который изо всех сил старался показать, что нисколько в выносливости не уступит туземцам. Дальше Касэм-Вай, бывший едва ли года на два старше гостя, чрезвычайно гордый, что его взяли в столь ответственную экспедицию. След в след ему держалась Маргарита, пытавшаяся растопить в себе невольно прокрадывающийся в душу ледок страха. Никита, сопровождаемый верным Лохматым, замыкал шествие. Должность замыкающего не легче должности впередиидущего, поэтому на обе ставились наиболее опытные и выносливые ходоки, обладающие к тому же отменной быстротой в принятии решений. Превосходство Накты, как путешественника, признавали даже туземцы, ибо он проводил время в глуши гораздо больше любого из них. Для него поход был не чем-то выдающимся, а образом жизни, обыденностью. Вся его жизнь являла собой сплошную цепь бродяжничеств, с краткими остановками между ними под какой-либо попавшейся по пути, чаще чужой, чем своей, крышей. Даже зимой он не мог долго усидеть на одном месте и больше ночевал в снегу, чем в кровати. Нередко без костра, соорудив в подходящем снежном наносе небольшую пещерку и загородив снежным же комом вход в нее.

Через час оказались перед темным устьем ущелья, каменные стены которого отвесно вздымались на головокружительную высоту. Всю его ширину, шагов семь, не больше, занимал водный поток. Обойти ущелье ни слева, ни справа не представлялось возможным, так как неприступные дикие горные кряжи громоздились здесь и с одной и с другой стороны. Склоны их испещрены обрывами и оползнями, покрыты местами то густой, то редкой древесной растительностью самых разных, но большей частью хвойных, пород. Пришлось войти в реку и, оскальзываясь на мелких камнях, запинаясь о большие, помогая себе посохами, пробиваться вверх по течению. Благо глубина большей частью едва достигала лодыжек. Удивительно, но вода не ледяная. Даже, пожалуй, не холодная. Скорее теплая. Очевидно речку, высказала предположение Маргарита, подпитывали горячие источники, о чем свидетельствовал и едва кисло-ватый привкус воды. Томкага, улыбаясь во весь свой щербатый рот, прокричал, стараясь перекрыть шум потока: «А нам, однако, помогают духи. Не злятся видно». Лохматый казался не вполне с этим согласен. Его духи ему явно не благоволили. На мокрого по кончики ушей пса жалко смотреть, шерсть слиплась, бока сотрясались дрожью то ли страха, то ли холода. Никита временами взваливал друга себе на плечи, поверх котомки, и так нес его, пока сам не выбивался из сил.

Временами путникам удавалось останавливаться на небольших сухих каменных выступах, что бы передохнуть и поправить обувь. На каком-то этапе, очевидно миновав горячие ключи, все почувствовали, что вода резко похолодела. Теперь к мукам усталости прибавились и муки холода. Но всё же она не ледяная и терпеть можно. Все были донельзя измотаны ходьбой против бурного клочущего течения, к тому же вынужденные постоянно взбираясь все выше и выше, поэтому, когда неожиданно вышли из этого бесконечного ущелья, и оказались в неширокой межгорной долине, все как один повалились на зеленую траву там, где стояли и в блаженстве затихли. Лишь Маргарита, приподняв голову, попыталась пошутить, обращаясь к охотнику:

– Может пробежимся, погреемся?

Никита лишь махнул рукой. Даже он, которому такие приключения не внове, с полчаса лежал недвижим, ощущая, как гудящая усталость постепенно оставляет мышцы. Путники один

за другим поднимались и, первым делом, снимали обуви, выжимая её и развешивая на палках, воткнутых у разведенного костра, на котором уже булькал чайник.

Никита, несмотря на робкие возражения девушки, стянул с нее кожаные сапоги, вывернув их, повесил сушиться вышеописанным способом, а сам, закатав штанины на посиневших девичьих ногах, принялся энергично растирать голени и ступни, велел Мише делать тоже самое со своими. Маргариту быстро покинуло смущение и она, откинувшись на спину, чувствовала, как по ногам заструилось тепло, а стопы закололо тысячами иголок. От семи пар обуви валил пар и шел своеобразный запах, который, однако, никому не помешал насладиться своей порцией чая. Есть среди дня у туземцев не принято, но чай, совершенно иное. Никита пояснил, что сытый желудок располагает ни к движению, а ко сну, потому и сам он обычно придерживается такой же тактики – немного есть лишь утром и, более плотно, вечером. Питание на каждой стоянке он устраивал исключительно ради своих подопечных. Только тут Маргарита догадалась, сколько хлопот доставляли они с братом этому человеку и какую брешь в его запасах пробивали своими капризами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.